

Ноя
22
2007

П. Дейниченко. Бур для Нобеля [«Книжное обозрение», 03.10.2003]

Относится к лауреату: [Джон Максвелл Кутзее](#) [1]

Тип статьи: Разное

Текст:

Лауреатом Нобелевской премии по литературе 2003 года стал южноафриканский писатель Джон Максвелл Кутзее. И это — главная литературная сенсация. Давно уже Нобелевский комитет не присуждал столь бесспорную премию. Нового лауреата называют литературным аутсайдером, затворником, оригиналом, говорят, что он игнорирует многие принятые в литературном мире условности... Нам в России понятно — таким и должен быть настоящий писатель. Тот, что думает не о списках бестселлеров и гонорарах, а о духе и душе, о жизни и смерти, а пишет нечасто и веско. Ура Нобелевскому комитету — оказывается, там литературу еще воспринимают всерьез.

«Бесчестье» принесло Кутзее второго Букера — впервые за всю историю премии.

Мотивировка Нобелевского комитета, как всегда, витиевата и своеобразна: премия присуждена Кутзее, «который в бесчисленных вариациях показывает неожиданную сопричастность постороннего». Есть, впрочем, и более явные мотивы: «Романы Дж. М. Кутзее характеризуются хорошо выстроенной композицией, многозначительными диалогами и блестящим анализом», — подчеркнули в Шведской Академии. «В его творчестве нет двух книг, созданных по одному рецепту», — указывается в обосновании выбора членов Академии.

Имя победителя было определено 18 постоянными членами Шведской академии на одном из предыдущих заседаний. С тех пор оно хранилось в тайне. 2 октября конверт с именем победителя вскрыл постоянный секретарь Шведской академии Хорас Энгдаль.

Награждению Кутзее предшествовала некая интрига. По слухам, Кутзее, начиная с 1999 года, ежегодно входил в тайный «шорт-лист» кандидатов, но всякий раз его кто-то обходил. Реальными его соперниками в этом году были американец Филип Рот и швед Томан Транстрёммер. А сирийский поэт Али Ахман Саид, более известный под именем Адонис, и вовсе считался фаворитом: впереди-де Франкфуртская ярмарка, а на будущий год во Франкфурте статусом почетного гостя будет пользоваться литература исламских стран... Полагали даже, что Нобелевский комитет может склониться к кандидатуре Адониса, пытаясь тем самым смягчить недовольство в арабском мире американским вторжением в Ирак.

Действительность, однако, лишний раз подтвердила, что решения Нобелевского комитета — во всяком случае, в области литературы — «не просчитываются». Пожалуй, стоит выдавать специальный приз тому, кто угадает истинные резоны академиков.

Теперь лауреата ждет денежный приз в сумме 1,3 млн. долларов, бестселлеры и новый вал славы... Официальная церемония награждения состоится 10 декабря в столице Швеции.

«Осень в Петербурге» окончательно превратила Дж. М. Кутзее в «Достоевского черного континента»

Чистокровный африканер, потомок буров Джон Кутзее родился в 1940 году в Кейптауне. В начале 1960-х уехал в Англию, а потом в США. Изучал математику и литературу, занимался программированием. Окончил Техасский университет по специальности «структурная лингвистика».

Позже, вплоть до 1983 года, преподавал литературу в Нью-йоркском университете. За это

время он стал известным писателем — первая его книга «Dusklands» вышла в 1974, а спустя шесть лет — роман «В ожидании варваров», ставший сенсацией. Книга получила высшую литературную премию Южной Африки. С тех пор у него вышло больше десятка книг художественной прозы и несколько сборников критических и публицистических эссе. Критики находят в его творчестве явное влияние Кафки, Достоевского и, как ни странно, Даниэля Дефо.

В 1983 году Кутзее в первый раз стал лауреатом Букеровской премии — за роман «Жизнь и время Михаэла К.». В центре сюжета — судьба молодого южноафриканца, стремящегося защитить свою мать от превратностей гражданской войны. Расовый конфликт, протест против «белого» расизма...

Политическая ситуация в родной стране явно отразилась на творчестве Кутзее — он всегда был в большой мере политическим писателем. Кошмар новой, освободившейся от режима апартеида Южной Африки — тема еще одной знаменитой книги Кудзее «Бесчестье», той самой, что принесла ему — невиданное дело! — вторую Букеровскую премию. Снова расизм — только на этот раз — «черный»

Писательство никогда не мешало успешной академической карьере Кудзее. Долгие годы он преподавал в университете Кейптауна, а теперь работает в Чикагском университете и в университете Аделаиды в Австралии.

В круг его научных интересов входят проблемы цензуры и свободы слова, места писателя в обществе. Кутзее внимательно изучал опыт русской литературы. Среди его научных трудов встречаем статьи о деле Солженицына, о Мандельштаме, работу «Вероисповедание и двоемыслие: Толстой, Руссо, Достоевский». Одновременно он выступал и как автор специальных работ, таких как «Ньютон и идеал прозрачности научного языка».

Печать «учености» лежит и на многих книгах писателя, в том числе и на последнем его романе «Элизабет Костелло» о путешествии австралийской профессорши в США. Но когда критики говорят, скажем, о влиянии Кафки на Кутзее, речь идет, пожалуй, о влиянии изучения Кафки. Это сочетание беспристрастности исследователя и свободы художника дало результат яркий и тревожащий умы, подчас повергающий читателей в шок.

«Я не провозвестник каких-либо идей — я лишь тот, кто рвется к свободе, как рвется к ней всякий закованный узник, тот, кто воображает людей, вырвавшихся из оков и обративших свои лица к солнцу», — говорит о себе Кутзее.

Кутзее — один из немногих авторов, которые рискуют сегодня развивать радикально новые идеи, тревожить устои. Не из вредности и не из чувства противоречия — а потому что думать иначе необходимо, чтобы мир развивался. Взять хотя бы совсем неортодоксальные мысли из эссе о цензуре. В ответ на призывы «защитить невинных детей» Кутзее напоминает: «дети отнюдь не невинны. Мы все прекрасно помним, насколько мы не невинны, хотя предпочитаем об этом забыть»...

По Кутзее, человек вовсе не обладает с рождения честью и достоинством — все это социальные конструкторы, и люди куда ближе к животным, чем им кажется. Потому многие книги его напоминают причудливые фантазмагии. Действие часто происходит неведомо где и неведомо когда, реальность смещается, подобно тому, как смещается она у Кафки или Беккета, всюду «двойное дно» и скрытые пласты...

Однако «сюрреальность» романов Кутзее отсылает нас к еще более древним, библейским прообразам. Их вневременность сродни вневременности «Апокалипсиса», и подлинный их смысл зачастую в противостоянии свободной личности концу света. Это не литература отчаяния — конец света у Кутзее понимает не кара, но трансформация. Так, во всяком случае, трактуют его романы люди верующие.

Однако сам автор «не любит объяснять своих романов. Он не хочет раскрывать подоплеку происходящих там событий. Читатель видит следствия, а не причины. Только верхнюю часть

айсберга. Автор не желает растолковывать журналистам что к чему, отказывается даже встречаться с ними: пусть понимают как хотят! У него вообще репутация интроверта», — писал о Кутзее видный российский африканист Аполлон Давидсон.

В самом деле, Кутзее чужд всякой публичности — он даже ни разу не явился на церемонию вручения ему Букеровской премии. Есть надежда, впрочем, что в Стокгольм он все-таки приедет.

В нашей стране Кутзее стали публиковать в конце 1980-х. Романы «В ожидании варваров», «Жизнь и время Михаэла К.», «Мистер Фо» встретили доброжелательно, но, скажем честно, тогда было не до южноафриканской литературы. В середине 1990-х Кутзее, по существу, открыли заново. Журнал «Иностранная литература» опубликовал два новых его романа — «Бесчестье» и «Осень в Петербурге» (позже они вышли отдельными изданиями).

Больше всех поразила воображение российских читателей, разумеется, «Осень в Петербурге» (в оригинале — «The Master of Petersburg» — «Хозяин Петербурга»). — своего рода исторический детектив, главным героем которого стал Ф. М. Достоевский. В самом деле, замечает литературовед Игорь Волгин, «Самому автору „Преступления и наказания“ никогда бы не взбрела в голову фантазия, что он сподобится стать героем южноафриканской прозы. Но дух веет где хочет».

Хорошо ли получилось? Как знать...

«Что будет с Достоевским, если его перевести на английский, а потом снова на русский? Литература, безусловно, останется, а если хороши переводчики (здесь именно тот случай), то это будет хорошая литература. Это будет, конечно, уже не Акунин, но еще не Федор Михайлович, — писал Евгений Лесин о романе «Осень в Петербурге» ('Мелкие бесы' , КО, 2001 г., № 23-34).

И все же книга вышла совершенно в русском духе — иной раз кажется, будто Кутзее где-то нашел машину времени и заглянул в XIX век...

Более традиционным российскому читателю кажется «Бесчестье» — тот самый роман, за который Кутзее во второй раз был удостоен Букеровской премии. Расовые проблемы мы в упор не видим — следовательно, остается банальная история любви немолодого профессора и студентки обращается жуткой фантасмагорией. История стала достоянием общественности, профессора преследуют, «от разбушевавшихся феминисток и головорезов политкорректности обесчещенный профессор бежит в деревню, на ферму дочери-лесбиянки», ту насилуют трое негров, жизнь катится под откос, и вот уже профессор зарабатывает на жизнь, умерщвляя собак, которых ему безумно жаль. Галина Юзефович заметила в этом библейские мотивы: «В какой-то момент сквозь незатейливую историю про интрижку преподавателя со студенткой прорастает книга, по своей остроте сопоставимая с библейской книгой Иова. Изгнание из университета — кара за вожделение. Изнасилование дочери — наказание за века апартеида. Работа в ветеринарной клинике — расплата за века издевательств человека над животными». «Грустная, серьезная, красивая в своей безнадежности книга», — писал обозреватель «Книжного обозрения» Андрей Мирошкин.

Источник (retrieved on 27 Apr 2018 - 01:54): <http://noblit.ru/node/1239>

Ссылки:

[1] <http://noblit.ru/Coetzee>